

ГЕНИЙ ИЗ ВЯТСКОЙ ДЕРЕВУШКИ

В Кировском государственном архиве при просмотре метрической книги Спасской церкви села Кумены Вятского уезда за 1845—1860-е годы удалось обнаружить следующую запись: «3 августа 1845 года у государственного крестьянина Лыстанского правления, деревни Дудинской Михаила Карпова сына Прозорова и законной жены его Александры Ильиной [оба православного вероисповедания] родилась дочь Евдокия (крещена 5 августа).

Одновременно в архиве были найдены сведения об отце Шалыпина — Иване Яковлевиче, в частности о времени его рождения: в метрической книге Покровской церкви с. Вожагалы Вятского уезда за 1838 год читаем: «Осминадцатого числа того правления [Вожагальского волостного — Б. С.] починка Лагуновского у крестьянина Якова Родионова Шалыпина и законной жены его Параскевы Яковлевой дочери родился сын Иоанн» (запись сделана в мае 1838 года).

О жизни родителей Федора Ивановича до их переезда в Казань отец рассказывал Федору: «До восемнадцати лет я работал в деревне, пахал землю, а потом ушел в город. В городе я работал все, что мог: был водовозом, дворником, пачкался на свечном заводе, наконец, попал в работники к станковому приставу Чирикову в Ключищах, а в том селе, при церкви, был пономарь Иеракса, так вот он и выучил меня грамоте. Никогда я не сделал мне!».

Еще одно свидетельство о родителях, их жизни в Казани в начале 70-х годов — письмо казанского почтальона И. А. Гольцмана (о котором упоминается в автобиографии Шалыпина от 22 декабря, год не указан, конверт не сохранился). В письме, которое находится в архиве Ленинградского государственного театрального музея, говорится: «Добрейший и глубокоуважаемый Федор Иванович! В бытность Вашу у нас Вы просили меня известить Вас относительно Вашей покойной матушки. Она была в начале семидесятых годов кормилицей у бывшего пристава Чирикова в селе Ключи, Казанского уезда, а отец Ваш был в то время помощником писаря Ильинского волостного правления. Остального я ничего припомнить не могу...».

Видимо, эти просьбы Федор Иванович мог высказать упоминаемому Гольцману в сентябре 1909 года или в августе 1912 года, когда он приезжал в Казань.

В семье Шалыпиных — Ивана Яковлевича и Евдокии Михайловны — в Казани в доме по Рыбной улице 1 февраля 1873 года родился сын, которого называли Федором.

Средств для существования было мало, и семья перебралась в дер. Ометово, в шести верстах от Казани, за Суконной слободой. Здесь появились на свет младшие дети — Николай и Евдокия, которые вскоре скончались. В 1879 или 1880 году, вспоминал Федор Иванович, из деревни «...мы переехали в город на Рыбнорядскую улицу, а дом Лисицина, в котором отец и мать жили раньше и где я родился в 1873 году».

Интересны характеристики, даваемые Шалыпиным своему отцу: «Отец мой был странный человек. Высокого роста, со впалой грудью и подстриженной бородой, он был непохож на крестьянина. Волосы у него были мягкие и всегда хорошо причесаны, такой красивой прически я ни у кого больше не видел. Приятно мне было гладить его волосы в минуты наших ласковых отношений. Носил он рубашку, шитую матерью, мягкую, с отложным воротником и с ленточкой вместо галстука... Поверх рубашки — «пинжак», на ногах — смазные сапоги...».

Не менее интересные воспоминания оставил «певец и о родственниках отца: «Иногда, зимой, к нам приходили бородатые люди в лаптях и зипунах; от них крепко пахло ржаным хлебом и еще чем-то особенным, каким-то вятским запахом: его можно объяснить тем, что вятчи много едят толокна. Это были родные отца — брат его Доримедонт, с сыновьями. Меня посылали за водкой, долго пили чай, разговаривая об урожаях, потях, о том, как трудно жить в деревне; у кого-то за неплатеж податей угнали скот, отобрали самовар...».

Здесь уместно вспомнить рассказы старожилов, местных жителей о том, что Доримедонт Шалыпин обладал могучим голосом. Возвращаясь с пашни вечером, крикнет, бывало: «Жена, ставь самовар, домой еду!» — так всей округе было слышно.

Как-то в 60-е годы мне довелось побывать на родине Ивана Яковлевича. Познакомился я с Шалыпиным Степаном Михайловичем, двоюродным племянником Федора Ивановича (работал он тогда в колхозе кузнецом). Он рассказал мне немало интересного о своем отце Михее, сыне Доримедонта, двоюродном брате Федора Ивановича. Оказывается, и у Михея Шалыпина был крепкий, сильный голос. «Бывало, пашем, — вспоминал Степан Михеевич, — отец закричит или запоем, так с одного конца поля на другое все слышно было».

В автобиографических записках «Страницы из моей жизни» (первая половина их была опубликована еще в 1917 году) Шалыпин писал о тяжелой жизни семьи, о пьянках отца, с годами все более частых. Об избиваемой им в пьяном угаре матери, о своей большой жалости к ней и неспособности как-то защитить ее, порой находящуюся в бесчувственном состоянии... Потом «...начиналась обычная жизнь: отец снова аккуратно ходил в «Присутствие», мать пряла пряжу, шила, чинила и стирала белье. За работой она всегда пела песни, пела как-то особенно грустно, задумчиво и вместе с тем деловито.

...Жалел я ее. Это был для меня единственный человек, которому я во всем верил и мог рассказать все, чем в ту пору жила душа моя.

Уговаривая меня слушаться отца и ее, она внушала мне, что жизнь трудна, что нужно работать не покладая рук, что бедному — нет дороги. Советы и приказания отца надо исполнять строго, он — умный: для нее он был неоспоримым законодателем. Дома у нас, благодаря труду матери, было всегда чисто убрано, перед образом горела неугасимая лампадка, и часто я видел, как жалобно, покорно смотрят серые глаза матери на икону, едва освещенную умирающим огоньком.

А внешне мать была женщиной, каких тысячи у нас на Руси: небольшого роста, с мягким лицом, сероглазая, с русыми волосами, всегда гладко причесанными, — и такая скромная, малозаметная.

Велико и несомненно влияние на Федора Ивановича матери — певицы, исполнительницы народных песен, окружавших его простых людей. Они пели и в песне искали утешение, отдых от тяжелой жизни.

В воспоминаниях «Страницы из моей жизни» он писал, что пятилетним мальчиком слушал, как вечерами мать с соседками «под жужжание веретен начинали петь заунывные песни о белых пушистых снегах, о девичьей тоске и о лучинушке, жалуясь, что она неясно горит. А она и в самом деле неясно горела. Под грустные слова песни душа моя тихонько грезила о чем-то, я ...мчался по полям среди пушистых снегов...».

И позднее, будучи старше, лет десяти, живя в Татарской слободе в Казани, Федор жадно впитывал в себя песни, которые пела мать, пели соседи: «Помню кузнеца...

Кузнец не пил водки и очень хорошо пел песни... Когда кузнец запевал песню, мать моя, сидя с работой у окна, подтягивала ему, и мне страшно нравилось, что два голоса поют так складно. Я старался примкнуть к ним и тоже осторожно подпевал, боясь спутать песню, но кузнец поощрял меня: — Валяй, Федя, валяй! Пой, — на душе веселей будет. Песня, как птица, — выпусти ее, она и летит...».

В книге «Маска и душа», написанной уже за границей и вышедшей в свет на русском языке в 1932 году в Париже, в издательстве «Современные записки», певец вспоминал, что поощряли его к песне в Казани и каретный мастер-сосед, и скорняк, у которого он работал... «Да меня, правду сказать, и просить-то особенно не надо было. Пелось как-то само собой. Певал я часто с матушкой моей, она была очень милой домашней песельницей. Голос был простой, деревенский, но приятный. И мы часто голосили с ней разные русские песни, подлаживая голоса. Пелось мне само собою, и все, что пело, меня привлекало и радовало...».

Дочь певца Ирина Федоровна Шалыпина (1900—1978), драматическая артистка (к слову, посещала родные места Шалыпиных в Кировской области в феврале 1971 года) писала в своих воспоминаниях:

«Учился Федор Иванович непосредственно у народа. Еще с детства привык к русской песне... Хорошо пела песни матушка Федора Ивановича — Авдотья Михайловна.

Русскую песню отец очень любил, но не все песни нравились ему одинаково. Некоторые, как, например, «Ухарь-купец» или «Коробейники» (хотя «Коробейники» значатся в концертном репертуаре певца. — Б. С.) он никогда не пел.

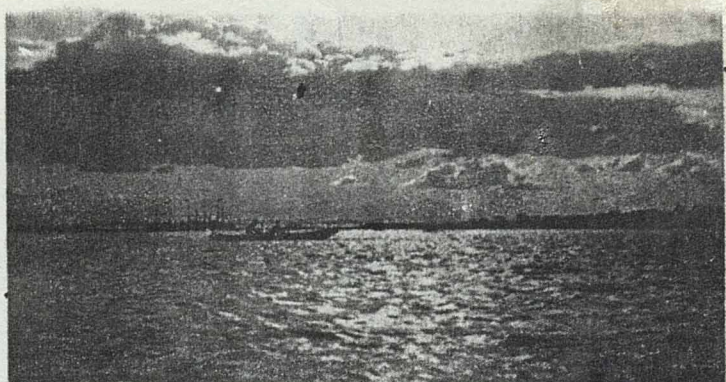
Не любил он и частушек. Зато «Ноченьку», «Лучинушку», «Как по ельничку», «Эх, ты, Ванька» и многие другие он пел удивительно задушевно, часто без аккомпанемента — так, как в былые времена пел их с матушкой Авдотьей Михайловной...».

Шел 1888 год. Было решено всей семьей переехать в Астрахань: вдруг да там будет легче. Переехали. С матерью скоро нашли жилье — маленькую хибарку из двух комнат за два рубля, с отцом начали искать работу: «Я подал разным местам и лицам не один, вероятно, десяток прошений, но ответов не имею до сего дня. А денег у нас не было, и мы потихоньку, но все более голодали. Удивляла меня молчаливая стойкость матери, ее упрямое сопротивление нужде и нищете. Есть у нас на Руси какие-то особенные женщины: они всю жизнь неутомимо борются с нуждой, без надежды на победу, без жалоб, с мужеством великомученицы перенося удары судьбы. Мать моя была из ряда таких женщин. Она снова начала печь и продавать пироги с рыбой, с ягодами. Как мне хотелось, бывало, съесть пятак этих пирогов. Но мать берегла их, как скупой сокровища, даже мухам не позволяла трогать пироги. Торговлей пирогами не прокормимся. Тогда мать начала мыть посуду на пароходах и приносила оттуда объедки разной пищи: необглоданные кости, куски котлет, куриц, рыбу, куски хлеба. Но и это случалось нечасто. Мы голодали».

Чтобы облегчить участь семьи, в поисках работы Федор уезжает из Астрахани. Саратов, Самара, Казань... А оттуда в Уфу, заключив контракт с опереточной группой: в 1890 году «...получив авансом две трети и билет второго класса на пароход Якимова, еду в Уфу. Был сентябрь, холодно и пасмурно. У меня, кроме пиджака, ничего не было. Мать Петрова (казанского товарища — Б. С.) подарила мне старенькую шаль, которую я и надел на себя, как плед. Чувствовал

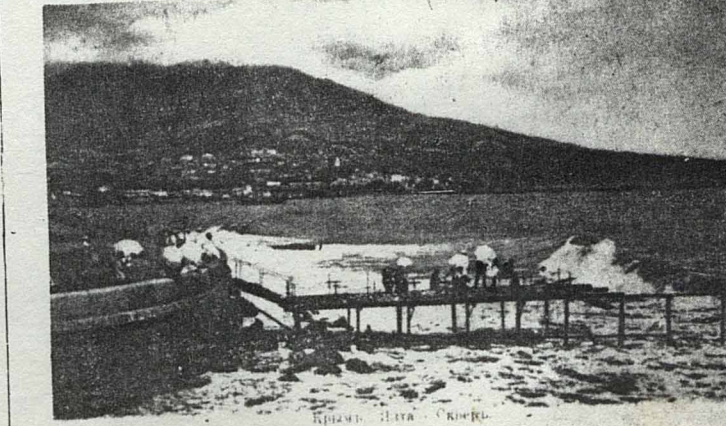
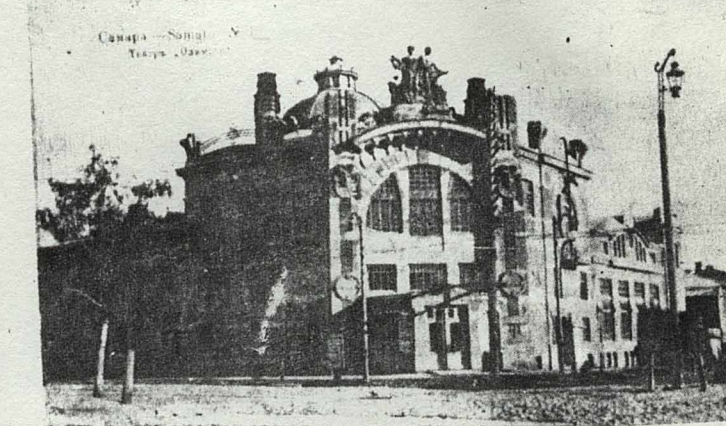
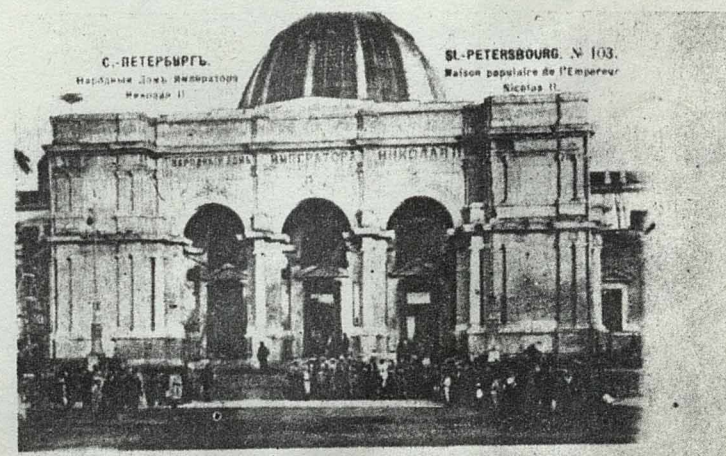
(Продолжение на 4-й стр.)

САДЫРИН

Вятская река - Киров. - 1993 - янв. (с. 3) -
ЗДЕСЬ БЫВАЛ ШАЛЯПИН

Всю жизнь, с малых лет и до старости, Шалыпин много ездил по России, а потом и по всему миру. Во многих семейных альбомах хранятся красивые открытки с уже исчезнувшими видами. Сегодня из старого альбома мы выбрали виды тех мест, где бывал Федор Иванович.

БОРИС
САДЫРИН

ГЕНИЙ ИЗ ВЯТСКОЙ ДЕРЕВУШКИ

Газета «Вятская речь» 18 апреля 1917 года в «Хронике» по этому поводу писала: «Ф. И. Шалаяпин — народному дому. Уроженец Вятского уезда, Ф. И. Шалаяпин часть сбора со своего концерта в Москве, именно 1.800 р. пожертвовал народному дому в с. Вожгалах, Вятской губернии».

«Вятская речь» 21 марта 1913 года в разделе «Хроника» информировала читателей: «Шалаяпин, как сообщ. столичные газеты, просил депутата Калинина поставить памятник на могиле его отца в деревне».

Известно, что Шалаяпин соби-рался приехать в Вятку, но этому помешала война. Та же «Вятская речь» 3 сентября 1914 года дала информацию «Импровизированный концерт Шалаяпина»: «Ф. И. Шалаяпин, достигнутый военной грозой вне пределов России, в настоящее время живет в Бретани. Вернувшись из Бретани москвичи рассказыва-ют о замечательном дневном концерте, который дал там Шалаяпин под открытым небом на пляже. Стояла изумительная погода. Ф. И. среди других гулял на берегу в ожидании свежих газет. Вдруг появи-лись «камлоты» с летучками: — Победа русских в Восточной Пруссии!

Ф. И. Шалаяпин обнажил голову. Его примеру последовала вся толпа. Раздались звуки шалаяпинского го-лоса. Он пел много и охотно, а по-том снял шляпу и начал собирать в пользу раненых.

Давали щедро. И в шляпе скоро оказалось 7.000 франков. Ф. И. тотчас же послал их в Париж».

У меня нет совершенно полной уверенности, что мы имеем исчерпывающую «вятскую» библиографию о Шалаяпине. Думается, можно еще искать, используя широ-кий аспект темы. Находки возможны.

Известно, что 1911 год был неурожайным годом в Вятской губернии. И помощь Шалаяпина была кстати. «Вятская речь» 22 января 1912 года в разделе «Хроника» сообщала: «К пожертвованиям Ша-лаяпина. Переведенные через Мос-ковское градоначальника в распо-ряжение вят. губернской управе 2.998 р. 80 к. из сумм, вырученных с концерта Шалаяпина, данного последним в пользу голодающих, губ. управой 20 сего января распре-делены и переведены для оказания продовольственной помощи взрослому населению четырем уездным управам в следующих суммах: елабужской, сарапульской, малмыжской — по 700 р. и уржум-ской 500 р. Остальная сумма пока остается в кассе управы».

Та же «Вятская речь» в 1913 г. 1 февраля опубликовала благо-дарность от Уржумской уездной земской управы лицам и организа-циям, оказавшим помощь голодаю-щим уезда (от недорода хлебов в 1911 г.), в т. ч. — Ф. И. Шалаяпину.

Есть и другие примеры, говоря-щие о внимании певца к землякам. В своих воспоминаниях Ирина Ша-лаяпина приводит письмо отца (по сохранившейся у нее газетной вы-резке). В этом письме Ф. И. Ша-лаяпин сообщает о том, что 10 февраля 1917 г. им «был устроен с благотвори-тельной целью спектакль в Боль-шом театре. Шла опера «Дон Карлос»...

Вырученную от спектакля сумму он распределил среди бедного населения Москвы, ране-ным воинам и их семьям, поли-тическим ссыльным и т. д., в том числе «Народному Дому в с. Вожга-лах (Вятской губернии и уезда) — 1.800 р.»

Сергей Иванович Шалаяпин

Ф. И. Шалаяпин о своем концерте в с. Вожгалах 1911

Михаил Федор Иванович

1.93

Но никто — ни кладбищенский сто-рож, ни причт церковный — не мог сказать мне, где хоронили бедных из больницы в год смерти матери. Только какой-то священник отвел меня в угол кладбища, заросший сорными травами, и сказал:

— Кажется — здесь.

Я взял комок земли, который хранил до сего дня, отслужил пани-хиду, поплакал о матери, а вече-ром, во фраке, с триумфом пел концерт. Как будто так и надо...

Отец мой пережил мать. В 96-м году, когда я пел в Нижнем, он приехал ко мне с братом, которому в то время было лет 10».

«Наконец, он сам заявил мне, что больше не может жить в Мос-кве, город и все содержимое его не нравится ему, он желает ехать к себе в деревню. Я согласился с ним, что в деревне ему будет лучше, и, оставив брата у себя, отправил отца в Вятку.

Но из Казани мне написали, что, добравшись туда, отец пропил деньги, одежду, купил на толкучем рынке солдатскую николаевскую шинель и пошел в Вятку пешком. Он почему-то очень любил никола-евские шинели и, помню, еще в дет-стве моем рассказывал мне, что шел из Вятки до Казани в солдат-ской николаевской шинели.

Добравшись до деревни, отец написал мне, что хочет строить избу и чтоб я прислал ему денег. Денег я ему послал, но избу он не выстро-ил, а до конца жизни снимал у одно-го из мужиков ветхую хибарку...

Я тогда же собрался и поехал к нему парходом до Казани и Вятки, а затем до Медведок сто верст на лошадах.

Когда я нанял лошадей, какой-то земляк, с досады, что не его наняли, сказал характерным вят-ским говорком:

— Лико, он те дорогой-те уко-кошит!

Другие ямщики запротестова-ли:

— Чо вруны врешь? Лико са-м-от он не укокошил-ба, звона какой-то могучей! Разок даст в толы-те, — дак семеро дома подохнут!

Мне вспомнилось, как, бывало, в дни моего детства, к отцу и мате-ри приходили люди этого говора, называвшие глаза — толы и гово-рившие вместо «гляди-ко» — «ЛИКО».

По грустным полям, мимо жи-денского хвойного леса приехал я в Сырцово, Шалаяпинки тож, ма-ленькую деревушку среди голых полей. Спросил какую-то бабу — где тут живет Иван Яковлев Ша-лаяпин? Она ответила вопросом:

— А ты чьих будешь?

— Сын его.

— Да иди в ту избу, чо ли...

В избе ужасно пахло гнилью, гудела туча мух, сновали тараканы, по полу ходили куры, безуспешно уничтожая их. Свет едва проникал сквозь стекла окон, измазанные грязью, засиженные мухами. В углу, на лавке, среди какого-то грязного тряпья, лежал отец, худой, как ске-лет, с заострившимся носом, щеки его провалились, скулы высунулись. Кроме него, в избе была какая-то встрепанная баба, с равнодушными глазами на стертом деревянном лице. Когда она вышла, отец тихо, с натугой сказал:

— Воровка. Обирает, обкрады-вает меня. Пока был здоров — еще ничего, а теперь плохо. Шабаш, Федор!

Я видел, что в этой обстановке невозможно жить, тут и здоровый живо сгниет; тогда я тотчас же отправился в село, в земскую боль-ницу, верст за восемь от Ша-лаяпинки. Попал как раз на прием, застав огромную очередь баб с реб-ятишками, старух, стариков. Отку-да-то явился полупьяный человек

мещанского вида с подвязанной щекой, уперся в меня ослосовевши-ми глазами и спросил:

— Ты за каким чортом? Эдакий бычище, а по больницам ходишь!

— Я насчет отца.

— Какого отца? Шалаяпина, Ива-на? Знаю. Захворал он, да. Теперь пьянствовать не с кем мне. А ты кто ему?

— Да вот, он мне отец...

— Стало быть, ты ему сын? Гляди, пожалуйста!

Пьяный говорил громко, не стесняясь, мужики и бабы окружили меня, из их расспросов я понял, что отец рекомендовал меня деревне как «песельника». Кто-то спросил меня: правда ли, что в Москве есть зеленое «листричество», которое, бегая по проволоке, гоняет вагоны? Часа два, в ожидании моей очереди у доктора, я беседовал с земляками и, видимо, понравился им, потому что человек с подвязанной щекой задумчиво сказал:

— Ты, гля, ребята, — шалаяпин-ский, а — какой вырождок!

Врач принял меня довольно су-хо, усталым голосом спросил: в чем дело? — долго размышлял и, нако-нец, заявил мне, что завтра приедет взглянуть на отца. Приехал, посмотрел и сказал, что положение серьезно и едва ли есть смысл везти отца в больницу. Действительно, отец задыхался, кашлял непре-рывно и все выплевывал шмотки чего-то, что вызывало зловоние гни-лого мяса. Но в конце концов доктор решил все-таки перевезти отца в больницу, где ему отвели отдельную комнату, очень при-ятную, чистую. Приказав сделать больному ванну, доктор позвал меня к себе пить чай и стал говорить,

что, пожалуй, положение не так серьезно, как это показалось ему, и что, может быть, старик еще поживет.

Мне нужно было ехать в Милан. Я простился с отцом и поехал, а в Москве получил телеграмму доктора, что отец умер на другой же день после моего отъезда.

Брат говорил мне, что отец умер спокойно, до последней мину-ты разговаривал с ним, а потом повернулся на другой бок и как будто сразу уснул.

Мы уже говорили, что Шалаяпин деньги, заработанные большим тру-дом, нередко отдавал на помощь людям, на общественные нужды.

В 1902 году в Приложении к «Вятским губернским ведомостям» была опубликована заметка о концертах певца и плате за них. В конце заметки сообщалось: «Как известно, Ф. И. Шалаяпин, кресть-янин Вожгальской волости, Вятского уезда. Говорят, что он не упускает случая помогать своим односельча-нам».

А вот что писал сам Шалаяпин в письме к А. М. Горькому из Монте-Карло 19.01.1912 г.: «...26 де-кабря, днем я давал концерт в поль-зу голодающих. Собрал я 16.500 рублей чистых. Распределил эту сумму между шестью губерниями: Уфимской, Симбирской, Саратов-ской, Самарской, Казанской и Вят-ской...»

Он писал тут же, что послал письмо об этом в «Русское слово» с просьбой напечатать его. В письме он благодарил всех, принявших уча-стие в подготовке и проведении концерта в пользу голодающих... В письме в редакцию были строки: «Считаю не лишним сообщить, что вырученные деньги будут посланы в губернские земские управы сле-дующих шести губерний: Уфим-скую, Вятскую, Симбирскую, Сара-товскую, Самарскую и Казанскую». (Письмо это было напечатано в «Русском слове» 3/1—1912 г.).

а себя превосходно: первый раз в жизни ехал во втором классе и куда ехал! Служить великому искусству, черт возьми! На реке Белой наш пароход начал раза по два в день садиться на мель, на перекатах, и капитан довольно бесцеремонно предлагал пассажи-рам второго и третьего класса «по-гулять по берегу». Стоял отчаянный холод. Чтобы согреться, я ходил по берегу колесом, выдвигая разные акробатические штуки, а мужички, стоя около стогов сена, которое они возили в деревню, глумились надо мной:

— Гляди, гляди, как барина-то жмет! Чего выдвигает, жердь!

«Барин!» — думал я.

Как-то ночью мне не спалось, вышел я на палубу, поглядел на реку, на звезды, вспомнил отца, мать. Давно уже я ничего не знал о них, знал только, что из Астрахани они переехали в Самару. Мне стало грустно, и я запел: — Ах ты, ночень-ка, ночка темная... Пел и плакал.

В 1891 году Федор Иванович в Уфе, Самаре...

«В Самаре жили отец и мать. Я не однажды писал им, что у меня все идет великолепно, что я уже богат. Они отвечали мне, что живут плохо, но это «ничего» и что во-обще «слава богу».

Ехал я в темно-синей шевито-вой куртке, надетой на голое тело...

Бегом пустился к родителям. Их не было дома. На дворе, грязном и тесном, играл мой бра-тишка. Он провел меня в малень-кую комнатку, нищенски унылую.

Было ясно, что родители живут в страшной бедности. А как я могу помочь им? Пришел отец, поста-релый, худой...

...из окна увидел, что во двор вошла мать с котомкой через пле-чо, сшитой из парусины, потом она появилась в комнате, радостно поздоровалась со мной и, засты-дившись, сняла котомку, сунула ее в угол.

— Да, — сказал отец, — мать-то по миру ходит.

Тяжело мне было. Тяжело чув-ствовать себя бессильным, неспо-собным помочь.

В декабре 1891 — январе 1892 года в Баку, «...однажды, играя Петра в «Натальке-Полтавке», я по-лучил телеграмму; в ней было ска-зано: «Мать умерла. Пришли денег. Отец».

Денег у меня, конечно, не бы-ло. Хозяину я был должен. Посидев где-то в углу, погоревая, я все-таки решил попросить у хозяина вперед. За 25 рублей в месяц я играл ответственные роли, тогда как неко-торые хористы получали по 40. Выслушав меня, хозяин сунул мне два рубля. Я попросил еще.

— Довольно, — сказал он. — Мало ли кто у кого умирает...

Ирина Федоровна в своих воспоминаниях писала: «Отец всегда боялся бедности — слишком много видел он нищеты и горя в свои детские и юношеские годы. Он часто с горечью говорил: «У ме-ня мать умерла от голода...»

...Да, у отца, конечно, были деньги, заработанные великим тру-дом. Но он и умел их тратить — широко, на помощь людям, на общественные нужды.

Характерно, что после смерти Федора Ивановича никаких пресло-вутых «шалаяпинских миллионов» не оказалось...

После смерти матери прошли годы. В 1909 году, до 8 октября, «странствуя с концертами, я прие-хал... в Самару, где публика еще на пароходе, еще, так сказать, авансом, встретила меня весьма благожелательно и даже с трогат-ельным радушием.

Утром, на другой день я отпра-вился на кладбище, где лежала моя мать, умершая от непосильной ра-боты и голода. Умерла она в зем-ской больнице, и мне хотелось знать, где ее похоронили, чтобы хоть крест поставить над могилой.